

«ПРИВЕТ из далекой Москвы! Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, сестра Тоня и брат Ваня! Во-первых, сообщаю, что деньги я получил. Купил ботинки самые модные, на аховой подошве, говорят, долго носиться будут. Мороженое два раза всего ел, зря деньги не расходу. Берегу к зиме. Питаюсь в основном пельменями, наша сибирская еда тут дешевая. Мам, пимы мне погоди присылать. Говорят, тут зима теплая, в пимах не ходят, а ездят на автобусах. А метро, говорят, круглый год отапливается, и пимы промокнут сразу, только простуду наживешь.

С парохода в Барнауле я пересел на поезд и покатился к Москве. Четверо суток я катился, мешки свои не развязывал, в них не заглядывал, не ел, не пил, не отвлекался чтоб. Так и докатился до Москвы и очень обрадовался, что меня привезли сразу в Кремль. Но знающие люди мне тут же растолковали, что это пока еще Казанский вокзал, до Кремля несколько дальше будет. Сдал я вещи в камеру хранения и как был, в шляпе дерматиновой, в шароварах сатиновых, отправился на поиски театрального института...

Пока ходил, темнеть стало, а темнеть стало, от меня люди в стороны шарахаться начали. Вид у меня, по-нашему, самый модный был, для Москвы в шляпе дерматиновой и в шароварах широких, я уже угрозу некую представлял собой.

В общем, нашел я этот институт в два часа ночи. В переулке. Дом обнесен оградой железной, огромной, старинной, калитка на пудовом замке. Я повертелся, повертелся около этого замка, переждать-то надо где-то до утра. Вдруг слышу милицкий свисток. Я к милиционеру: так и так, две медали — за окончание школы и за целину... Отец корову продал, денег дал... В общем, приехал поступать в театральный институт... Он говорит: «Милый, да что ты, да тут давно все набрано, с весны все ячейки законопачены. Как начали подъезжать с сынками да с дочками... Ты, говорит, забери остатки своей коровы и кати обратно, а то не поступишь, а корову прокатаешь, и не на что тебе будет возвратиться назад». Этого я не ожидал, что с весны набрано, тут же загрустил, конечно. Однако до утра, думаю, все равно надо дождаться... «А нельзя ли, — говорю, — у вас тут переночевать?»

«Вон, — говорит милиционер, — лезь через ограду, на скамеечке перespишь, я тебя заодно охранять буду, и у нас тишина будет». Я перелез, на лавочке уснул. Выходило не так, как я хотел. Я хотел уснуть на крыльчике, чтоб профессора утром об меня споткнулись, а в палисаднике, думаю, они меня и не заметят, мимо пройдут. Но утром дворник начал по-

ливать огород и меня прополоскал. Я встал, все ему опять повторил, дескать, две медали, полкоровы, а милиционер говорит, что у вас с весны набрано, верно, нет? «Может, и набрано, — отвечает, — люди везде люди, но, говорит, процент набранных нам неизвестен, может, и для тебя лазейка оставлена». «Если есть лазейка, — говорю, — нам не привыкать — огородами, огородами и к Котовскому».

Он оказался мужик боевитый, видать, из кавалери-

все?!» «Да так, — говорю, — все. Мать таким родила, я виноват, что ли. Она меня с пяти лет привязывала на крыльчике за ногу и уходила в поле работать. Отец воевал. А тебя, говорит, привяжи, ты поневоле запоешь. Вот я и запел. Пел до посинения. За это мне люди давали кто стакан молока, кто яичко какое, кто пирожок. Может, говорю, и давали для того, чтоб я замолчал, жалели ребенка. Но мне-то невдомек, сознательности у меня еще не было тогда, мне дадут стакан —

текст. И все! Вместе с текстом вся моя смелость улетучилась, и я, честное слово, не вру... заревел... Я реветь-то реву, но одним глазом наблюдение все-таки веду: девок красивых набилось кругом, мама моя родная! А профессор говорит: «Ты не реви. Ты своими словами дорасскажи, чем все-таки у медведя дело с зайцем закончилось». Я, оказывается, по пути где-то Крылова с Михалковым спутал. У профессора глаза на лоб вылезли, чем же я этот эксперимент закончу? Слу-

риант попался, и я опять «ля-ля-ля»... А профессор думает, что я текст забываю: «Да что же ты, дьявол, не помнишь-то?» Я говорю: «Да как не помню, я их миллион знаю! Если один на один, то таких наковыряю, век не забудете!» Ну он, конечно, надо мной потешался, на публику работал.

Он отдышался и говорит: «Парень ты способный, на-верное, но нахальный!» Я говорю: «Вот те раз! А чего я сделал такого нахального? Сказал, что все умею? Да чтоб вы меня проверили вдоль и поперек. Я за столько тыщ километров приехал и буду стоять перед вами и несусветную скромность изображать? Вы бы и не узнали, с чем я явился...» «Ладно, ладно... В следующий раз, когда придешь, зайдешь в аудиторию, поздоровайся». Я говорю: «Зачем? Я же вас не знаю здесь никого». «Да поздоровайся ты, язык не отвалится, и обязательно подстригись». А я ведь год волосы-то отращивал, можно сказать, удобрял, поливал, считал, что артисты непременно должны быть волосатыми. Ох, думаю, да не на вшивость ли он меня проверяет? «Товарищ профессор, так, может, тогда наголо?» «Нравится, можешь наголо». Я пошел в парикмахерскую и облованился под бритву, все с себя до синевы буквально соскоблил. Пропадать, так со звоном, думаю. Надел свой костюм, ботинки купил на аховой подошве... Захожу! Он меня не узнал. Но потом по списку доходит до моей фамилии, я встаю... Эх, его бедного со стула будто кто приподнял. Он понять ничего не может! Что за превращение! В костюме и бритый! Синий, как кабачок. Он пальцем у виска покрутил — показывает мне, дескать, не заболел ли парень здесь от перемен климата? Я ему: «Так, Павел Михайлович, вы же вели неиможно подстричься». «Ну, нахал, знал, что нахал, но не до такой же степени?!» «А чего степень, — говорю. — Я же не уши отрезал в конце концов, волосы сбрил. За пять лет учебы какая шевелюра отрастет». «Какой учебы?». «У вас». «Да ты же еще не поступил, а такие заявления делаешь?» Я говорю: «Как это не поступил? Да вы что, издеваетесь надо мной, что ли? Зачем стрижься-то велели? Да что же я таким явлюсь в деревню?» «Ладно, — говорит, — не реви, пой, пляши, а там видно будет...» В общем, так я и поступил, за счет «шароварного вида» и дерматиновой шляпы на отделение артистов оперетты. Правда, мне потом сказали, что делал я все плохо и брать меня не хотели, пожалели в основном корову. А мне больше и не надо, лишь бы зацепиться, а там видно будет...

Вон куда с твоего крыльчика, мама, занесся я. Обнимаю всех, целую, ваш сын — Владимир. Валерий

Валерий ЗОЛОТУХИН

«Это не автобиография. Здесь много выдуманно, сочинено. Это попытка передать на бумаге мир счастливых воспоминаний детства, воскресить простые, почти колыбельные чувства. Первая моя повесть вышла на страницы «Юности» неожиданно быстро для меня самого. И когда во второй я попытался изменить биографическую интонацию и особенно имена действующих лиц, у меня ничего не вышло.

История, которая легла в основу повести, действительная. И записал я ее тогда же на случайных листках карандашом. Что-то искал в бумагах — уже теперь, наткнулся и на эти листки. И опять она, эта история, кольнула меня в сердце, как тогда. В некоторых местах карандаш потерялся, я решил переписать чернилами...

Так предваряет свою новую повесть в рассказах популярный актер Валерий Золотухин.

Итак, глава из новой книги, которая готовится к выпуску в издательстве «Молодая гвардия». Она о том, как деревенский паренек Володя поступал в театральный институт. И, хотел того автор или не хотел, в повести все равно звучит интонация актера, видится его добрая, лукавая улыбка.

С ТВОЕГО КРЫЛЕЧКА

стов наших, во всяком случае вид у него задиристый. Отомкнул мне канцелярию. Дал два листа бумаги. «Пиши, — говорит, — заявление, автобиографию, и как только 10 часов стукнет и первая дверь откроется, шагай в нее и будь артистом». Какие мне дворник тезисы выдал, я по ним свою жизнь и скроил.

Первая дверь открылась... Однако нашего брата около этой двери скопилось сильно густо — сто человек на одно место. И все одеты — будь спок! И спереди навешано, и сзади нашито — не нам чета. Я думаю, не смотаться ли мне скорехонько на вокзал, да не напалить ли костюмишко мой по-быстрому? Но пока, думаю, бегаю, тут возьмет кто-нибудь да и поступит на мое место. Потом поостыл, огляделся внимательно, гляжу — я такой один: ни в шляпе, ни в шароварах не видеть никого. Стоп, думаю, вот тут-то я всех и объеду. Иногда ведь под дурака сыграешь — за умного сойдешь. И я как был, так и вкатился.

Профессор на меня глянул: «Ой, — говорит, — отойди от меня... Дальше, дальше отходи. Ты что, с гор спустился?» «Нет, — говорю, — с Алтая приехал». «А чего ты там делал?» «Родился, учился, целину поднимал». «А зачем сюда приехал?» «На артиста поступать». «А что ты умеешь?» «Да все!» «Как

я еще сильнее. С тех пор и пою. С крыльчика на школьные подмостки перебрался, оттуда на районную сцену, теперь к вам — диплом получить». «С крыльчика, говоришь, началось... это хорошо, а может, и плохо, не знаю. Ну ладно, спой мне, что ты там на своем крыльчике пел». «То я уже забыл давно». «А зря, — говорит, — крыльчик свои надо помнить... Пой, что хочешь, русскую народную песню знаешь?»

А я знал — «Из-за острова на стрежень», два куплета, первый и тот, где Стенька девушку в Волгу-матушку... А он до конца никого не дослушивал. Да разве можно такую ораву до конца прослушать? Я думаю, ничего, обойдусь двумя куплетами, да еще их в середине растяну пошире, и хорош будет. Спел я ему эти два куплета — не останавливает! Заслушался, видите ли... Я думаю, батюшки! Куплетов-то не помню! Однако разворачиваю оглобли по-быстрому и снова пою куплет, а сам думаю, где-нибудь я ему наделю, не может же он меня одного до вечера слушать. И действительно, на втором круге он меня попросил остановиться. «Ладно, — говорит, — А басню знаешь?»

А басню я учил в поезде, да, видать, недоучил. Начал я читать и забыл. Забыл

шал, слушал, махнул рукой: «Ладно, черт с ним, с этим зоосадам, не разберешься. Плясать умеешь? Ах, да... ты все умеешь. А ну-ка, — говорит, — играйте ему русскую, да почаще!» Заиграли мне русскую, стал я плясать... На рояле, представляете, чешет бабка подгоруно! Ну, уморал! И тут случилось самое, однако, главное, что меня в моей авантюре спасло. Этот профессор сидел-сидел, как скочит из-за стола и ко мне в круг, и давай со мной оттоплять, да ловко так... Ах, думаю, засиделся старичок-бедняга тут, надоело ему собак в еноты перекрашивать. Да боюсь за него, как бы с сердцем у него чего не случилось... Но я за него зря переживал, как потом выяснилось, месяц назад у него сын родился! Поняли, какой крепкий старик мне на экзамене попался! Он бы таких, как я, двоих бы переплясал в тот момент.

Народ кругом визжит от радости, а профессор шепчет: «Частушки знаешь?» Я, мол, «Какую глупость вы у меня, однако, спрашиваете, человек в деревне рос, так ясное дело, знаю». Он мне — «Пой!» Ну, пой, так пой, команда была. Я со всего плеча частушку как врезал. А закончить не могу, плохой конец попался. Я, значит, «ля-ля-ля»... вторую частушечку, а у меня от волнения опять не тот ва-